

Благодарности

Я благодарю Ли Джексона, который очень помог мне в аналитической работе над книгой. Его замечательный сайт www.victorianlondon.org — это блестящий (и бесплатный) источник для всех, кого интересует та эпоха. Две книги оказались для меня особенно полезными: «Лондон в XIX веке» Джерри Уайта и «Жизнь в викторианской Британии» Майкла Паттерсона. Впрочем, я не стеснялся обращаться за помощью к писателям того времени, в их число входят Джордж Гиссинг, Чарльз Диккенс, Энтони Троллоп, Артур Моррисон и Генри Мэйхью. Я также благодарю «Общество Шерлока Холмса», которое (до настоящего времени) оказывало мне поддержку, особо хочу упомянуть их представителя, доктора Марину Стаджик, любезно поделившуюся со мной своими знаниями в области токсологии в палате общин. Спасибо моему агенту — «агенту года» — Роберту Кирби, который первым предложил написать эту книгу. Спасибо Малкольму Эдвардсу из издательства «Орион», который терпеливо ждал появления этой книги восемь лет. Наконец — прежде всего, — я воздаю должное гению сэра Артура Конан Дойла, с кем я впервые познакомился в шестнадцатилетнем возрасте и чей удивительный творческий дар вдохновлял меня при написании собственной работы. Писать эту книгу было для меня невыразимой радостью, и я надеюсь, что не сильно отошел от оригинала.

ПРОЛОГ

Я часто размышляю над цепью странных обстоятельств, которые привели меня к длительной дружбе с одним из самых удивительных и замечательных людей моего времени. Будь я в душе философом, я бы задался вопросом: до какой степени любой из нас является хозяином собственной судьбы, можем ли мы предсказать далекоидущие последствия наших действий, которые в момент их совершения кажутся нам ничем не примечательными?

К примеру, мой дальний родственник Артур рекомендовал меня на должность помощника хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк — он считал, что там я наберусь полезного опыта, — мог ли он предвидеть, что месяц спустя меня отправят в Афганистан? В то время конфликт, который принято называть Англо-афганской войной, еще и не думал разгораться. А что сказать о мусульманском воине, который в сражении при Майванде слегка нажал на спусковой крючок и всадил мне в плечо пулю? Девятьсот британских и индийских воинов в тот день отдали Богу душу, и мусульманин, несомненно, был намерен пополнить мною их ряды. Но, видимо, у него был сбит прицел, и, хотя я получил серьезное ранение, меня спас Джек Мюррей, мой верный санитар, добрейшей души чело-

век, — целых две мили он тащил меня с территории противника в расположение британских войск.

В сентябре того же года Мюррей умер в Кандагаре и так и не узнал, что меня по ранению отправили домой и что я несколько месяцев посвятил — чтобы хоть как-то оправдать его усилия по спасению моей жизни — достаточно бессмысленному существованию в околосветских кругах Лондона. Но вскоре я всерьез задумался о том, чтобы перебраться на южное побережье... Пришлось посмотреть правде в глаза: финансы мои истощались достаточно быстро. Мне также дали понять, что морской воздух благотворно скажется на моем здоровье. Все-таки найти жилье подешевле в Лондоне было более желательно, и я уже собрался снять комнаты у биржевого маклера на Юстон-роуд. Но переговоры наши как-то не заладились, и я принял решение без дальнейших отлагательств: поеду в Гастингс, круг общения там, конечно, попроще, чем в Брайтоне, зато цена вдвое ниже. Вещи были упакованы, я был готов отправиться в путь, но тут мы заглянули к Генри Стэмфорду — не сказать к близкому другу, скорее знакомому, он был моим ассистентом в госпитале Сент-Бартс. За день до этого он изрядно набрался, проснулся с головной болью и, вполне возможно, именно поэтому взял отгул в химической лаборатории, где в то время работал. Бродя по Пикадилли-серкус, он решил прогуляться до Риджент-стрит и зайти в «Либерти» — купить жене подарок в подвальном этаже, где располагался так называемый восточный базар. Странно даже подумать, что, избери он другой маршрут, он не столкнулся бы со мной, когда я выходил из бара «Критерион», — в ре-

зультате я мог бы и не познакомиться с Шерлоком Холмсом.

Я уже где-то писал, что именно Стэмфорд предложил мне снять жилище на пару с неким специалистом по химическому анализу, который работал с ним в одном госпитале. Так Стэмфорд познакомил меня с Холмсом — тот как раз ставил эксперимент по выведению пятен крови. От первой нашей встречи у меня осталось странное впечатление: она привела меня в легкое замешательство, но, безусловно, запомнилась... и позволяла предположить, что впереди нас ждет много интересного.

В моей жизни эта встреча стала поворотным пунктом. Литературных амбиций я не имел никогда. Мало того, скажи мне кто-то, что меня будут издавать, я бы рассмеялся ему в лицо. Но могу совершенно честно и нисколько не лгая себе сказать: мне удалось прославиться тем, как я описал приключения этого великого человека. Я еще больше вырос в собственных глазах, когда получил приглашение выступить во время службы в память о нем в Вестминстерском аббатстве, но от этого приглашения я вежливо отказался. Сам Холмс частенько посмеивался над моими литературными потугами, и я не мог отделаться от ощущения, что, займи я место за кафедрой проповедника, я бы чувствовал его присутствие у себя за плечом — он бы безобидно посмеивался из могилы над моими пассажами.

Он всегда считал, что я преувеличиваю его способности, уж слишком высоко оцениваю его блестящий ум, легко проникавший в суть явлений. Он любил посмеяться над тем, как я строю свое повествование: я старался дать разгадку в самом конце,

а он клялся, что ему все было ясно с первых же абзацев. Он не раз обвинял меня в тривиальном романтизме и считал, что я ничуть не лучше самого заурядного писаки с Граб-стрит. Все же я полагаю, что он был ко мне несправедлив. За все время, что мы были знакомы, я ни разу не застал Холмса за чтением прозы — исключая, конечно, худшие образчики бульварной литературы. Я, безусловно, не считаю себя великим писателем, но могу смело сказать, что мои труды нашли свою аудиторию, а сам он нипочем не написал бы лучше. Собственно говоря, однажды Холмс в этом практически признался, когда в конце концов взял перо и бумагу и принялся собственными словами описывать странное дело Годфри Эмсуорта. Этот эпизод увидел свет в рассказе под названием «Приключения побелевшего солдата», и мы видим, что само это название далеко от совершенства: побелка больше подходит для стены.

Повторю: мои литературные дерзания получили достаточно высокую оценку, но признание подобного рода никогда не было для меня самоцелью. В силу описанных выше обстоятельств именно мне выпала честь обнародовать достижения самого прославленного частного детектива и представить на суд полной энтузиазма аудитории не менее шестидесяти рассказов. Но куда ценнее для меня была многолетняя дружба с этим выдающимся человеком.

С того дня как Холмса нашли в его доме в Даунсе — он лежал неподвижно, вытянувшись на кровати во весь рост, — прошел год. Великий мозг замолчал навсегда. Услышав эту новость, я понял, что не просто лишился ближайшего сподвижника и друга, — во многих отношениях был утрачен сам смысл моего существования. Два брака, трое детей, семь

внуков, успешная медицинская карьера, орден «За заслуги», врученный мне его величеством королем Эдуардом VII в 1908 году, — такими достижениями мог бы удовлетвориться любой. Но только не я. Я скучаю по Холмсу и поныне и порой, лежа без сна, словно вновь слышу до боли знакомые слова: «Игра начинается, Ватсон...»¹ Но они лишь напоминают мне о том, что окунуться во тьму и клубящийся туман Бейкер-стрит с надежным револьвером в руке мне уже не суждено. Я часто думаю, что Холмс ждет меня по другую сторону великой тени, в чье лоно неизбежно попадет каждый из нас, и скажу честно — я буду рад воссоединиться с ним. Моя застарелая рана с мучительной настойчивостью ведет меня к последнему порогу. На континенте бушует жуткая и бессмысленная война, и я перестал понимать мир, в котором живу.

Почему же я снова решил взяться за перо и потревожить воспоминания, которые было бы лучше предать полному забвению? Возможно, мною движет эгоизм. Подобно многим старикам, чья жизнь осталась позади, я ищу умиротворения. Медсестры, которые помогают мне бороться с недугом, уверяют: сочинительство — отличная терапия, оно не позволит мне пасть духом, что порой случается. Но есть и другая причина.

«Банда в кепках» и «Дом шелка» были в некоторых отношениях самыми сенсационными делами

¹ В оригинале стоит фраза «The game's afoot». Это цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (акт III, сцена 1), переведенная в одном случае как «зверь поднят», а в другом — как «дичь поднята». При публикации повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе переводилась как «игра начинается». — *Здесь и далее примеч. перев.*

в карьере Шерлока Холмса, но в свое время я не мог позволить себе рассказать о них — причины вскоре будут ясны со всей очевидностью. Эти два дела до такой степени сплелись воедино, что рассказывать о них по отдельности было немыслимо. В то же время мне всегда хотелось сделать их достоянием гласности, довершить образ Шерлока Холмса. Я чувствую себя химиком, который ищет магическую формулу, или филателистом, который не может в полной мере гордиться своей коллекцией марок, потому что в ней не хватает двух или трех редких экземпляров. Остановить себя я не могу. Я должен об этом написать.

Я не мог сделать этого раньше — и дело отнюдь не в том, что Холмс, как всем хорошо известно, терпеть не мог публичности. Нет. События, о которых я собираюсь рассказать, были столь чудовищны и скандальны, что и речи не могло идти об их огласке. Таковыми они остаются и сейчас. Без преувеличения скажу: огласка этих событий разорвет на части всю ткань нашего общества, тем более во время войны, а на такой риск я пойти не могу. Когда я закончу это описание — будем надеяться, что силы не оставят меня раньше, — я тщательно упакую рукопись и переправлю ее в хранилище банка «Кокс и К^о» на Чаринг-Кросс, где я держу и другие свои ценные бумаги. Мои инструкции будут таковы: пакет можно открыть только через сто лет. Невозможно представить, каким будет мир по прошествии такого большого отрезка времени, какие шаги вперед сделает человечество, но будущих читателей едва ли смутят постыдные и позорные события — в отличие от моих современников. Именно читателям будущего я завещаю мой последний портрет

Шерлока Холмса, а также картину наших дней, доселе невиданную.

Достаточно — я израсходовал слишком много энергии на описание собственных забот. Пора вновь открыть дверь дома 221-б на Бейкер-стрит и войти в комнату, где началось так много приключений. Я все вижу воочию: мерцание лампы за стеклом, семнадцать ступеней, которые надо преодолеть, поднимаясь в дом с улицы. Как давно все это было, как далеко все это от меня сегодняшнего... Да. А вот и он, с неизменной трубкой в руке. Он поворачивается ко мне. На лице улыбка. «Игра начинается...»

Глава 1

ГАЛЕРИСТ ИЗ УИМБЛДОНА

— Грипп — штука неприятная, — заметил Шерлок Холмс. — Но вы правы: с помощью вашей жены ребенок скоро поправится.

— Очень на это надеюсь, — ответил я, тут же осекся и, широко раскрыв глаза, уставился на него. Чашка с чаем застыла на полпути к губам, но я поставил ее на стол с такой силой, что она едва не рассталась с блюдцем. — Черт подери, Холмс! — воскликнул я. — Вы просто прочитали мои мысли. Но готов поклясться: я ни словом не обмолвился о ребенке или его болезни. Да, вы можете догадаться, что моя жена в отъезде. Само мое присутствие здесь наводит вас на эту мысль. Но я еще не объяснил, по какой причине ее нет, и с уверенностью могу сказать: мое поведение никоим образом не могло дать вам намек на эту причину.

Этот диалог состоялся в конце ноября 1890 года. Лондон был в плену безжалостной зимы, на улицах стоял такой холод, что, кажется, застыли сами газовые фонари и излучаемый ими скромный свет растворялся в лондонском тумане. Люди, укутав лицо и склонив голову, перемещались по тротуарам, словно привидения, мимо них гроыхали экипажи, а лошади мечтали вернуться в конюшню. Я был рад,

что нахожусь не на улице, а в знакомом помещении, в камине поигрывает пламенем огонь, в воздухе висит привычный запах табака, а вокруг совершенный беспорядок, каким предпочитал окружать себя мой друг, — и это означало, что все правильно, все на своих местах.

Телеграммой я уведомил Холмса о своем намерении арендовать ту же комнату и провести некоторое время в его обществе, и его положительный ответ встретил с большим энтузиазмом. Моя медицинская практика могла дать мне передышку. Временно я остался один. Я хотел понаблюдать за моим другом и удостовериться, что он полностью восстановил здоровье. Дело в том, что Холмс морил себя голодом три дня и три ночи, отказываясь от пищи и воды, чтобы убедить жестокого и мстительно-го противника — смерть вот-вот заключит Холмса в свои объятия. Военная хитрость сработала, результат оказался триумфальным: злодей попал в надежные руки инспектора Мортон из Скотленд-Ярда. Но напряжение, которому подверг себя Холмс, все еще вызывало у меня беспокойство, и я решил понаблюдать за ним, пока обмен веществ в его организме полностью не восстановится.

Поэтому я был рад видеть, как он поглощает содержимое большой тарелки, которую на подносе принесла для нас двоих миссис Хадсон: лепешки с фиалковым медом и сметаной, а также чай с бисквитным тортом. Холмс явно шел на поправку, он расслабленно полулежал в своем большом кресле, вытянув ноги в направлении камина, на нем был хорошо знакомый мне халат. Фигуру его всегда можно было назвать поджарой и даже худощавой,

а орлиный нос подчеркивал остроту взгляда, но сейчас на щеках его играл румянец, а голос и манеры позволяли предположить: он вполне пришел в себя.

Он тепло приветствовал меня, я расположился напротив и испытал странное ощущение, словно проснулся после глубокого сна. Словно не было в моей жизни трех последних лет, когда я встретил мою обожаемую Мэри, взял ее в жены, перебрался в наш дом в Кенсингтоне, который купил на деньги, вырученные от продажи жемчуга из сокровищ Агры. Казалось, что я, как и прежде, холостяк, живу бок о бок с Холмсом и делю с ним тревоги и волнения, связанные с очередной погоней или разгадкой очередной тайны.

Я подозревал, что такое положение дел было бы для него предпочтительным. Холмс редко спрашивал, что творится на моем домашнем фронте. Во время моей свадьбы он был за границей, и мне пришлось в голову, что его отъезд мог быть вовсе не случайным. Не скажу, что тема моего супружества была табу, но мы как бы пришли к молчаливому согласию не обсуждать ее подробно. Холмс видел, что в семейной жизни я счастлив и умиротворен, и великодушно обходился безо всяких шуток и подковырок по этому поводу. Когда я впервые предстал перед ним в новом качестве, он спросил меня о миссис Ватсон. Но он не стал ничего выпытывать, а сам я не счел нужным распространяться на эту тему, в итоге его замечания на этот счет были совершенно непостижимыми.

— Вы смотрите на меня, словно я фокусник, — заметил Холмс с улыбкой. — Надо полагать, рассказам Эдгара Аллана По вы дали отставку?

— Вы про его детектива Дюпена? — спросил я.

— Он пользовался методом, который определял как «умозаключение». По его теории можно прочитать самые сокровенные мысли человека, даже если тот и рта не раскрыл. Достаточно проанализировать его движения, последить за его мимикой. В свое время эта идея произвела на меня большое впечатление, но, припоминая, вы отнеслись к ней с некоторым презрением...

— И теперь мне приходится за это платить, — заключил я. — Холмс, вы всерьез хотите сказать, что способны сделать вывод о болезни ребенка, которого никогда не видели, просто глядя на то, как я поглощаю лепешки?

— Этот вывод не единственный, — откликнулся Холмс. — Могу добавить, что вы недавно вернулись с Холборнского виадука. Что дом вы покидали в спешке, но все равно опоздали на поезд. Сейчас вы живете без служанки, — может быть, все дело в этом?

— Прекратите, Холмс! — воскликнул я. — На эту удочку я не клюну!

— Разве я ошибся?

— Нет. Полное попадание по всем пунктам. Но как такое возможно?

— Все просто: наблюдение и дедукция, первое поставляет информацию для второго. Я могу пуститься в объяснения, но они покажутся вам до обидного детскими.

— Тем не менее я хотел бы их услышать.

— Что ж, коль скоро вы выбрались ко мне с визитом, придется пойти на поводу у вашей настойчивости, — согласился Холмс и чуть заметно зев-

нул. — Начнем с самого факта вашего приезда сюда. Если меня не подводит память, ваш брак приближается к третьей годовщине, верно?

— Именно так, Холмс. До нее осталось ровно два дня.

— Не самое подходящее время для разлуки с женой. Вы ведь только что сказали: ваше решение пожить со мной под одной крышей, да еще и достаточно долго, подразумевает, что ее отъезд вызван весьма серьезной причиной. Что же это за причина? Насколько я помню, мисс Мэри Морстен, как ее звали до замужества, прибыла в Англию из Индии, здесь у нее друзей или родственников не было. Она стала работать гувернанткой, присматривать за сыном некоей миссис Сесил Форрестер в Камберуэлле, где вы с ней, собственно, и познакомились. Миссис Форрестер была с ней очень мила, особенно когда настали трудные времена, и я готов предположить, что между ними установились доверительные и близкие отношения.

— Вы совершенно правы.

— И если кто-то и мог подвигнуть вашу жену на отъезд из дома, миссис Форрестер выглядит вполне подходящей кандидатурой. Какая же причина может скрываться за подобной просьбой? За окном стоит холодная погода, и в первую очередь приходит в голову болезнь ребенка. Приболевшему мальчику было бы очень приятно, окажись рядом его любимая гувернантка.

— Его зовут Ричард, мальчику девять лет, — добавил я. — Но почему вы уверены, что у него грипп, а не нечто более серьезное?

— Если бы дело обстояло так, вы бы наверняка занялись ребенком лично.

— Пока ваши рассуждения в высшей степени понятны и просты, — признал я. — Но как вы узнали, что мои мысли были сосредоточены на этой теме в данную конкретную минуту?

— Надеюсь, дорогой Ватсон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы для меня — открытая книга, каждый ваш новый жест — это новая страница. Вы сидите напротив и потягиваете чай, и я вижу, что ваш взгляд устремлен в лежащую на столе газету. Вы посмотрели на заголовок, протянули руку и перевернули газету лицом вниз. Почему? Наверное, вам пришлось не по душе заметка о крушении поезда в Нортон-Фицуоррен несколько недель тому назад. Сегодня опубликовали результаты расследования гибели десяти пассажиров, и, понятное дело, вам совершенно не хочется об этом читать, потому что вы только что попрощались с женой на вокзале.

— Да, заметка напомнила мне о ее поездке, — согласился я. — Но болезнь ребенка?

— С газеты взор ваш переместился на ковровую дорожку рядом со столом, и я ясно увидел, как вы украдкой улыбаетесь. Именно на этом месте когда-то стоял ваш медицинский саквояж, мысль о котором и напомнила вам о причине поездки вашей жены.

— Ну, Холмс, это уже из области догадок, — возразил я. — Например, вы упомянули Холборнский виадук. А ведь это мог быть любой вокзал Лондона.

— Вы прекрасно знаете, что догадок я сторонюсь. Иногда надо применить воображение на основе вещественных доказательств, но это вовсе не одно и то же. Миссис Форрестер живет в Камберуэлле. Поезда в Чатем и Дувр регулярно уходят со стан-

ции Виадук Холборн. Этот вывод представляется вполне логичным, но вы облегчили мне задачу, поставив у двери ваш собственный чемодан. Из этого кресла мне хорошо видна наклейка на ручке чемодана: «Виадук Холборн, камера хранения».

— А все остальное?

— Отсутствие служанки и поспешный выход из дома? Мазок черной ваксы на рукаве указывает на то и другое сразу. Вы сами чистили себе обувь и действовали не вполне аккуратно. Далее, в спешке вы забыли надеть перчатки...

— Мое пальто забрала миссис Хадсон. Она вполне могла забрать и перчатки.

— Но мы с вами обменялись рукопожатием, и ваша рука была очень холодная. Нет, Ватсон, весь ваш облик говорит об отсутствии организующего начала, о беспорядке.

— Все, что вы сказали, правда, — признал я. — Осталась только одна тайна, Холмс. Откуда вам известно, что моя жена опоздала на поезд?

— Когда вы вошли, я уловил на вашей одежде сильный запах кофе. С чего бы вам пить кофе, если вы собираетесь ко мне на чай? Вывод: вы опоздали на поезд и были вынуждены пробыть с женой дольше, чем намеревались. Вы сдали чемодан в камеру хранения и пошли с женой в кофейню. Не на Локхарт-стрит? Я слышал, там готовят отличный кофе.

Ненадолго воцарилась тишина, после чего я расхохотался.

— Что ж, Холмс, — сказал я, — вижу, что о вашем здоровье можно не тревожиться. Вы блистательны, как всегда.